

И. В. Леонов <https://orcid.org/0000-0003-0026-3807>

В. Л. Соловьева <https://orcid.org/0000-0003-4518-7473>

Эстетические гештальты различных типов культуры и проблема их адекватной интерпретации

Статья посвящена проблеме адекватной интерпретации искусства (эстетических гештальтов) различных типов культуры. Сквозь призму теории О. Шпенглера раскрывается тезис о невозможности адекватного восприятия искусства определенных культурных организмов в ходе их контактов с другими культурами. В свою очередь, на основании теории Г. Д. Гачева обозначаются пути проникновения в «национальные миры» различных культур с целью адекватного постижения результатов их деятельности, включая сферу искусства. Дается оценка отмеченных подходов как крайних точек зрения на рассматриваемую проблематику, приводятся аргументы как в их пользу, так и в отношении их эвристических ограничений. В качестве сбалансированного решения данной проблемы приводится работа Л. М. Мосоловой, посвященная анализу андроновской керамики. В представленной работе, с опорой на обширный и разносторонний историко-культурный материал, при высоком уровне его генерализации, раскрываются картина мира и эстетические предпочтения андроновцев, воплотивших их в керамическом артефакте. Кроме того, в статье обозначается точка зрения, направленная на установление общечеловеческих достижений в сфере искусства. Фиксируются условия монологичного и диалогического взаимодействия искусства различных культур в зависимости от «точек пересечения» соответствующих картин мира. Представленные варианты решения проблемы взаимодействия искусства различных типов культуры соотносятся друг с другом на предмет взаимодополняемости, поскольку ни один из них не является определяющим. В свою очередь, фактор взаимодействия искусства различных типов культуры, на уровне его прочтений разной степени аутентичности, во многом формирует и усложняет историю искусства в общечеловеческом масштабе.

Ключевые слова: искусство, картина мира, гештальт, эстетический гештальт, национальный образ мира.

I. V. Leonov, V. L. Solovieva

Aesthetic Gestalts of Different Types of Culture and the Problem of their Adequate Interpretation

The article is devoted to the problem of adequate interpretation of art (aesthetic gestalts) of different types of culture. Through the prism of O. Spengler's theory here is revealed the thesis of the impossibility of adequate perception of the art of certain cultural organisms in the course of their contacts with other cultures. In turn, on the basis of G. D. Gachev's theory, the ways of penetration into the «national worlds» of different cultures in order to comprehend the results of their activities adequately, including the sphere of art, are indicated. The assessment of the mentioned approaches as extreme points of view on the considered problems is given, arguments are given both in their favor and in relation to their heuristic constraints. As a balanced solution to this problem the work by L. M. Mosolova, devoted to the analysis of Andronov ceramics, is given. Presented work, based on the extensive and versatile historical and cultural material, with a high level of generalization, reveals the picture of the world and the aesthetic preferences of Andronov followers, who embodied them in a ceramic artifact. Also the article indicates the point of view aimed at establishing universal achievements in the field of art. The conditions of monologue and dialogical interaction of art of different cultures depending on the «points of intersection» of the corresponding pictures of the world are fixed. The presented solutions to the problem of interaction of art of different types of culture correlate with each other for complementarity, since none of them is decisive. In turn, the factor of interaction of art of different types of culture, at the level of its interpretations of different degrees of authenticity, largely forms and complicates the history of art on a universal scale.

Keywords: art, world picture, gestalt, aesthetic gestalt, national image of the world.

Историю мирового искусства можно представить как единый процесс, сутью которого является развитие, пронзающее и соединяющее множество эпох и сопровождаемое усложнением и обогащением форм, смыслов и сюжетов. Целостность данного процесса для многих исследователей и простых зрителей поддается – *искусство развивается от первобытности до нашего времени, объединя достижения многих периодов и культур.* Разумеется, данная

точка зрения далеко не бесосновательна, тем не менее есть и другие ракурсы истории искусства, которые останутся в тени указанного подхода. Об одном из данных ракурсов пойдет речь в представленной статье.

В первую очередь, необходимо указать, что взгляд на историю искусства как на единый процесс его развития в мировом масштабе таит в себе ловушку «однобокого» подхода, то есть взгляда на все

периоды его генезиса с позиций той культуры, в картину мира которой погружен исследователь или простой зритель. В результате некая «когнитивная оболочка», которая обеспечивает особенности восприятия и переживания мира в рамках определенной конкретно-исторической ситуации, «преломляет» искусство различных культур и исторических периодов, делая его понятным и доступным для носителей. Проще говоря, многие современники, обращаясь к различным эпохам прошлого, даже не задумываются о том, что их способ восприятия искусства того или иного периода находится в прямой зависимости от картины мира, которая господствует на текущий момент времени.

Данная ситуация высвечивает проблему существования разных «культурных миров», в пространстве которых рождается особое эстетическое переживание и отражение реальности, характерное только для тех, кто находится под прямым воздействием соответствующих мировоззренческих оснований.

Особый импульс развитию исследований в отношении межкультурных различий, обусловленных специфическими способами «отражения» мира, придали коренные трансформации западноевропейской культуры втор. пол. XIX – нач. XX в., а также усиление контактов Запада с другими регионами мира. По мере развития указанных тенденций, первоначально реализуемых на основании монологического взгляда европейцев на историко-культурное многообразие человечества, постепенно стали проявляться и признаваться иные, «неевропейские», способы постижения и отражения реальности. В свою очередь, своеобразным маркером, где данные способы получали наибольшее выражение, стала сфера искусства.

В данном случае показательны исследования, относящиеся к области семиотики, в частности работы Э. Кассирера [5]. В трудах немецкого ученого культура предстала во всем многообразии символических форм, как искусственный мир, обозначаемый знаками, моделирующими и преломляющими мир для человека. Составными частями создаваемого человеком «символического круга», или «символической вселенной», являются язык, наука, искусство, религия, мифы, сплетенные в плотную «сеть» и заслоняющие реальность. Данная сеть формирует уникальную для той или иной культуры «картину мира», сквозь которую человек смотрит на окружающий мир и на самого себя.

Так, постепенно стали вырисовываться особые когнитивные компоненты культуры, позволившие ученым говорить о различиях в мировосприятии носителей различных историко-культурных традиций.

Представленная исследовательская традиция нашла свое выражение не только в работах Э. Кассирера. Одним из ее ярких представителей

стал О. Шпенглер, уделявший особое внимание способности «культурных организмов» смотреть на мир по-своему и выражать это в самых разных областях деятельности. Отмеченный исследовательский ракурс, по сути, является лейтмотивом «Заката Европы».

Шпенглер утверждал, что, взаимодействуя с реальностью, все культуры воспринимают ее в контексте уникальных картин мира (точнее, «гештальтов»), так как «различен лишь глаз, в котором и через который осуществляется этот мир» [13, с. 163]. Находясь в своем гештальте, возникшем в контексте определенной историко-культурной реальности и полностью ей соответствующем, каждая культура обречена воспринимать и отражать мир только через свою собственную «когнитивную призму». Искусство как сфера, теснейшим образом связанная с мировоззрением, входит в соответствие с господствующим в той или иной культуре гештальтом, обретая специфические образы и смыслы, воплощаясь в особых формах, красках, звуках, сюжетах, знаках и т. д.

В изучении жизненных циклов культурных организмов Шпенглер исходил из тезиса, согласно которому, пребывая в определенном гештальте и воплощая его в продуктах деятельности (включая сферу искусства), представители соответствующих культур обречены смотреть на мир только через данный «фильтр». Иначе говоря, в рамках каждой культуры люди находятся в «плену» своего гештальта.

Отмеченная позиция позволяет заключить, что адекватно понять искусство определенной культуры могут только ее представители, поскольку это исключительно их способ отражения реальности. В свою очередь, искусство других культур для них будет оригинальным, странным, экзотичным и не всегда понятным. Такое искусство можно воспринимать и оценивать, соотнося с собственным гештальтом. Но проникнуть в него, вжиться изнутри – невозможно. Таков «фатальный приговор» Шпенглера. Египетский сфинкс остался понятен только древним египтянам, дорическая колонна – древним грекам, готический храм – представителям позднего средневековья, Троица Рублева – представителям русской культуры и т. д. И если вдруг в культурах совершаются попытки проникновения в искусство других культур, а также заимствования его форм и смыслов, то это, скорее, приводит к псевдоморфозу, нежели к органичному вплетению другого искусства в искусство принимающей культуры.

И несмотря на то, что Шпенглер в последние годы своей жизни постепенно пришел к смягчению такой крайней точки зрения, признавая за культурами право вникать в другие картины мира и воспринимать результаты их деятельности, нельзя утверждать, что она не беспочвенна.

Противоположную точку зрения на рассматриваемый вопрос предложил Г. Д. Гачев, исходивший из

идеи множественности культурных миров или «национальных образов мира», получающих воплощение, в том числе и в сфере искусства [1; 2]. Исходя из идеи Шпенглера о разных способах «преломления» реальности на уровне картин мира и относительной «закрытости» данных миров для непосвященных, Гачев допускал возможность проникновения в их суть. Реализуя такую возможность, ученый, исповедуя стиль «вольного любомудра», совершал «интеллектуальные путешествия» в разные «культурные миры», целью которых было их подробное и всестороннее описание. Данный процесс представлял собой долгие «погружения» в пространство той или иной культуры (в течение 2-3 лет), требующие особого уровня грамотности и интеллектуальных усилий. Результатом таких «вчувствований» становились объемные работы, раскрывающие «образ мира» французов, индусов, русских, немцев, англичан, американцев и т. д.

Опора на эти труды позволяет взглянуть на искусство соответствующих культур с позиций всестороннего анализа их бытия, включая особенности ландшафта и климата, деятельности и ценностей, специфики языка, особенностей философии и науки, морали и стереотипов поведения, бытовых и праздничных аспектов культуры, особенностей верований и политико-идеологической сферы и т. д. Примечательно, что, разрабатывая тезис о принципиальной познаваемости картин мира (а по сути, гештальтов в шпенглеровском смысле) других культур, Гачев вывел определенные инвариантные маркеры, позволяющие сравнивать «национальные образы». К таковым относятся специфика соотношения пространства и времени; вертикальные или горизонтальные доминанты в восприятии пространства; особенности представлений о сотворения мира; доминанты мужского или женского начал; краевольные вопросы познания; «образы», максимально точно отражающие представления о мире и т. д.

Необходимо указать, что особую роль в данном подходе играет способность исследователя или зрителя совершать «гештальт-переключения» с одного способа мировосприятия на другой, поскольку умение вырваться из собственного гештальта, как показывает опыт, дано далеко не каждому. В свою очередь, помимо особого уровня подготовки и усилий, в совершении таких интеллектуальных погружений «путешественник» должен обладать изрядным уровнем воображения [9, 10, 11]. Однако данное обстоятельство имеет и теневой эффект, ставя под сомнение саму степень научности подобных «путешествий», основанных на стиле «вольного любомудра» и «интуитивно-художественных проникновений».

Соотнесение точек зрения Шпенглера и Гачева как крайних в решении вопроса о возможности адекватного восприятия искусства других культур показывает, что понять другое искусство довольно

трудно, но полностью отрицать такую возможность было бы неправильным. В данном случае речь можно вести о разных степенях близости, возникающих в результате попыток «вжиться» в другой гештальт и соответствующее искусство. И все же тезис о возможности восприятия искусства других культур на абсолютно аутентичном другому гештальту уровне так и остается открытым.

Опыт взаимодействия искусства различных культур показывает, что в этом процессе особую роль играет степень близости тех или иных гештальтов, которые могут иметь множество точек соприкосновения, что делает процесс их взаимопроникновения эффективным и относительно быстрым. При таких контактах искусство взаимодействующих культур, будучи родственным и понятным, вступает в диалогические отношения. С другой стороны, существуют настолько разные гештальты, что сама возможность их взаимопонимания и плодотворных контактов ставится под сомнение, уступая место преимущественно монологическим интерпретациям. В этом случае возможность восприятия искусства данных культур сводится к его игнорированию, уничтожению либо к пустым переносам на уровне экзотики.

В современных исследовательских практиках находят свое отражение точки зрения и Шпенглера, и Гачева, включая их сбалансированные версии, *которые представляются наиболее релевантными изучаемой реальности.*

Одним из интересных и убедительных примеров глубокого историко-контекстуального «погружения» в картину мира и искусство другой культуры является неоднократно переиздававшаяся работа Л. М. Мосоловой «Обыкновенный» горшок и его культурный космос (о феномене гончарного искусства в культуре Древней Евразии)» [7]. В данной работе, на основании детального анализа лепного сосуда XV–XII вв. до н. э. из погребальных комплексов с. Боровое Л. М. Мосоловой была осуществлена реконструкция картины мира представителей андроновской культурной общности. Исходя из различных источников, включая материальные памятники и генетически связанные с данной общностью священные тексты, повествующие о том, как андроновцы интерпретировали мир, автор рассматривает особенности техники изготовления керамического артефакта, общие характеристики его формы, поддона и «горлышка», семантику трехчастной структуры геометрического орнамента и специфику отдельных орнаментальных элементов. В результате, на основании анализа «косвенных» и, казалось бы, незначительных данных «обыкновенного горшка», исследователю удалось представить убедительный и логически выстроенный концепт мироздания древней культуры, получивший эстетическое выражение в представленном артефакте.

Разумеется, данный пример далеко не единственный, поскольку есть и другие пути историко-контекстуальных погружений в эстетические гештальты различных культур и исторических периодов, реализуемые в самых разных областях гуманитарного знания. В данном контексте интересны работы Т. С. Злотниковой [4], И. В. Кондакова [6; 8, с. 135-165] и Н. А. Хренова [8, с. 19-134; 12], направленные на раскрытие результатов деятельности творческих личностей в контексте кризисных и «пограничных» периодов истории, с присущими данным периодам мировоззренческими гештальтами. Еще один ракурс рассматриваемых исследований выражен в выявлении «кодов», преломляющих восприятие других культур и исторических эпох и тем самым моделирующих их целостный образ, включая соответствующие эстетические аспекты. В данном случае показательны работы Т. И. Ерохиной [3]. Кроме того, интерес в области восприятия и интерпретации эстетических гештальтов других культур представляют такие направления, как историко-биографические исследования, культуральная история, историческая культурология и некоторые другие.

Тем не менее традиция рассмотрения искусства других культур с позиций однобокого восприятия реальности, исключительно через тот гештальт, в котором находится зритель, до сих пор имеет сильные позиции как в науке, так и в научно-популярной сфере.

В отмеченном случае необходимо коснуться и точки зрения, согласно которой существуют общечеловеческие критерии эстетической сферы. Так, многие исследователи, указывая на росписи Альтамиры, Афинский Акрополь, живопись Микеланджело и Леонардо, поэзию Пушкина, прозу Бальзака, музыку Баха и Чайковского и т. д., говорят об их общемировом значении и неременном принятии всеми культурами. Однако в данном случае, будучи неподкрепленной всеобщим распространением названных имен и их творений в искусстве многих культур, степень доказуемости приводимых аргументов остается открытой. Кроме того, исследователи, выдвигающие такие тезисы, не всегда покидают пределы собственного гештальта и его аксиологических оснований. Тем не менее отрицать общемировые связующие компоненты искусства было бы так же чревато, как и в случае с убежденностью в непроницаемости «культурных миров» с присущим им искусством.

Таким образом, каждая из приведенных точек зрения на возможность адекватного прочтения искусства других культур, при всей их противоположности, имеет под собой определенные основания. Постулируемая Шпенглером непроницаемость эстетических гештальтов проявляется в «загрязнении» искусства многих «культурных организмов» стерео-

типами и поверхностными истолкованиями. Однако это не означает полной «слепоты», искажения и нивелирования искусства соответствующих культур. В свою очередь, гачевский метод «погружений» в образы мира других культур дает возможность приблизиться к изначальному содержанию их искусства. Но полного тождества в данном процессе достичь вряд ли удастся. Фиксация общечеловеческих основ эстетического освоения реальности, несомненно, продуктивна и подкрепляется видовым единством человечества. Однако мировоззренческие и эстетические различия многих культур настолько велики, что порою могут вызвать сомнения в данном утверждении.

Подытоживая, можно заключить, что искусство разных культур в ходе их контактов обречено на множественные интерпретации разной степени близости, при вероятном отсутствии возможности его абсолютно адекватного переживания. И в этих преломлениях и метаморфозах прочерчиваются траектории развития искусства многих культур, порою пережившего своих создателей и исторические пределы «организмов», в пространстве которых оно возникло. Эти сложные процессы формируют «ткань» мировой истории искусства, с характерными «переплетениями», «складками» и «разрывами».

Библиографический список

1. Гачев, Г. Д. Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира [Текст] / Г. Д. Гачев. – М. : Академический Проект, 2007. – 511 с.
2. Гачев, Г. Д. Ментальности народов мира [Текст] / Г. Д. Гачев. – М. : Алгоритм: Эксмо, 2008. – 541 с.
3. Ерохина, Т. И. Серебряный век как код современной массовой культуры [Текст] / Т. И. Ерохина // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 3. – С. 252-257.
4. Злотникова, Т. С. Пограничность как кризис в экзистенции Н. А. Бердяева и его современников [Текст] / Т. С. Злотникова // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2015. – Том 16. – Выпуск 4. – С. 332-342.
5. Кассирер, Э. Философия символических форм [Текст] / Э. Кассирер; пер. С. А. Ромашко : в 3 т. – Т. 2 : Мифологическое мышление : научное издание. – М. ; СПб. : Университетская книга, 2001. – 280 с.
6. Кондаков, И. В. «Смута»: эпохи «безвременья» в истории России [Текст] / И. В. Кондаков // Общественные науки и современность. – 2002. – № 4. – С. 55-67.
7. Мосолова, Л. М. «Обыкновенный» горшок и его культурный космос (о феномене гончарного искусства в культуре Древней Евразии) [Текст] / Л. М. Мосолова // Мировая художественная культура в памятниках : учебное пособие. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. – С. 6-23.

8. Переходные процессы в русской художественной культуре [Текст]: Новое и Новейшее время: сборник статей / отв. ред. Н. А. Хренов; Гос. ин-т искусствознания М-ва культуры РФ; науч. совет «История мировой культуры» РАН. – М.: Наука, 2003. – 494 с.

9. Суворов, Н. Н. Воображаемое как феномен культуры [Текст] / Н. Н. Суворов; Министерство культуры РФ, Санкт-Петербургский государственный институт культуры. – СПб.: СПбГИК, 2018 – 300 с.

10. Суворов, Н. Н. Наступление воображаемого: воображаемое как феномен культуры [Текст] / Н. Н. Суворов // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2016. – № 2 (27). – С. 73-81.

11. Суворов, Н. Н. Памятник культуры как воображаемая реальность [Текст] / Н. Н. Суворов // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – № 4 (33). – С. 76-80.

12. Хренов, Н. А. Культура в эпоху социального хаоса [Текст] / Н. А. Хренов; Рос. акад. наук, Гос. ин-т искусствознания М-ва культуры Рос. Федерации. – Москва: Едиториал УРСС, 2002. – 446 с.

13. Шпенглер, О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории: гештальт и действительность [Текст] / О. Шпенглер; пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. – М.: Эксмо, 2006 – 799 с.

Reference List

1. Gachev, G. D. Kosmo-Psiho-Logos: Nacional'nye obrazy mira = Cosmo-Psycho-Logos: National images of the world [Текст] / G. D. Gachev. – М.: Akademicheskij Proekt, 2007. – 511 s.

2. Gachev, G. D. Mental'nosti narodov mira = Mentalities of peoples of the world [Текст] / G. D. Gachev. – М.: Algoritm: Jeksmo, 2008. – 541 s.

3. Erohina, T. I. Serebrjanyj vek kak kod sovremennoj massovoj kul'tury = The Silver age as a code of modern popular culture [Текст] / T. I. Erohina // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik = Yaroslavl pedagogical bulletin – 2016. – № 3. – S. 252-257.

4. Zlotnikova, T. S. Pogranichnost' kak krizis v jekzistencii N. A. Berdjaeva i ego sovremennikov = Frontier as crisis in existence of N. A. Berdyaev and his contemporaries [Текст] / T. S. Zlotnikova // Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii = Bulletin of the Russian Christian humanitarian academy. – 2015. – Tom 16. – Vypusk 4. – С. 332-342.

5. Kassirer, Je. Filosofija simvolicheskikh form = Philosophy of symbolical forms [Текст] / Je. Kassirer; per. S. A. Romashko: v 3 t. – T. 2: Mifologicheskoe myshlenie: nauchnoe izdanie = Mythological thinking: scientific publication. – М.; SPb.: Universitetskaja kniga, 2001. – 280 s.

6. Kondakov, I. V. «Smuta»: jepohi «bezvremen'ja» v istorii Rossii = Distemper»: eras of «hard times» in the history of Russia [Текст] / I. V. Kondakov // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. – 2002. – № 4. – S. 55-67.

7. Mosolova, L. M. «Obykvennyj» gorshok i ego kul'turnyj kosmos (o fenomene goncharnogo iskusstva v kul'ture Drevnej Evrazii) = «Ordinary» pot and its cultural space (about a phenomenon of potter's art in the culture of Ancient Eurasia) [Текст] / L. M. Mosolova // Mirovaja hudozhestvennaja kul'tura v pamjatnikah: uchebnoe posobie = World art culture in monuments: manual. – 2 e izd., ispr. i dop. – SPb.: Izd vo RGPU im. A. I. Gercena, 2012. – S. 6-23.

8. Perekhodnye processy v russkoj hudozhestvennoj kul'ture = Transition processes in the Russian art culture [Текст]: Novoe i Novejshee vremja: sbornik statej = Modern and Latest times: collection of articles / отв. ред. N. A. Hrenov; Gos. in t iskusstvoznanija M-va kul'tury RF; nauch. совет «Istorija mirovoj kul'tury» RAN. – М.: Nauka, 2003. – 494 s.

9. Suvorov, N. N. Voobrazhaemoe kak fenomen kul'tury = Imagined as a culture phenomenon [Текст] / N. N. Suvorov; Ministerstvo kul'tury RF, Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj institut kul'tury = Ministry of Culture of the Russian Federation, St. Petersburg state institute of culture – SPb.: SPbGIK, 2018 – 300 s.

10. Suvorov, N. N. Nastuplenie voobrazhaemogo: voobrazhaemoe kak fenomen kul'tury = Approach of imagined: imagined as a culture phenomenon [Текст] / N. N. Suvorov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of St. Petersburg State University of culture and arts. – 2016. – № 2 (27). – S. 73-81.

11. Suvorov, N. N. Pamjatnik kul'tury kak voobrazhaemaja real'nost' = Cultural monument as the imagined reality [Текст] / N. N. Suvorov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of St. Petersburg State University of culture and arts. – 2017. – № 4 (33). – S. 76-80.

12. Hrenov, N. A. Kul'tura v jepohu social'nogo haosa = Culture during the era of social chaos [Текст] / N. A. Hrenov; Ros. akad. nauk, Gos. in t iskusstvoznanija M-va kul'tury Ros. Federacii = Russian Academy of Sciences, the State institute of Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation. – М.: Editorial URSS, 2002. – 446 s.

13. Shpengler, O. Zakat Evropy: ocherki morfologii mirovoj istorii: geshtal't i dejstvitel'nost' = Decline of Europe: essays of morphology of world history: Gestalt and reality [Текст] / O. Shpengler; per. s nem., vступ. st. i primech. K. A. Svas'jana. – М.: Jeksmo, 2006 – 799 s.